

1881

Плоды «ананасного» манифеста

29 апреля 1881 г. государь император Александр III подписал манифест с предлинным названием «О призыве всех верных подданных к служению верою и правдою Его Императорскому Величеству и Государству, к искоренению гнусной крамолы, к утверждению веры и нравственности, доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений России». Напомнив верноподданным, что «Богу, в неисповедимых судьбах Его, благоугодно было завершить славное Царствование Возлюбленного Родителя Нашего мученической кончиной, а на Нас возложить Священный долг Самодержавного Правления», государь сообщал, что «посреди великой Нашей скорби Глас Божий повелевает Нам стать бодро на дело Правления в уповании на Божественный Промысел, с верою в силу и истину Самодержавной Власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений».

Шутники немедленно окрестили царский манифест о незыблемости самодержавия «ананасным» — при распевном церковном чтении с амвона из неизящного оборота «а на Нас возложить Священный долг» неудержимо выпирал досадный никчемушный «ананас». Дело, однако, было вовсе нешуточное. Манифест был решительным ответом разом нескольким партиям, обнаруживающим «поползновения» на самодержавность власти.

Прежде всего он был ответом террористам, которые 10 марта 1881 г., через десять дней после убийства Александра II, выставили ультиматум его сыну.

В открытом письме Александру III Исполнительный комитет «Народной воли», нарисовав картину глубокого социального и политического кризиса, поразившего Россию, утверждал:

«Из такого положения может быть два выхода: или революция, совершенно неизбежная, которую нельзя предотвра-

тить никакими казнями, или добровольное обращение верховной власти к народу. В интересах родной страны, во избежание напрасной гибели сил, во избежание тех страшных бедствий, которые всегда сопровождают революцию, Исполнительный комитет обращается к вашему величеству с советом избрать второй путь. <...>

Условия, которые необходимы для того, чтобы революционное движение заменилось мирной работой, созданы не нами, а историей. Мы не ставим, а только напоминаем их. Этих условий, по нашему мнению, два:

1) общая амнистия по всем политическим преступлениям прошлого времени, так как это были не преступления, но исполнение гражданского долга;

2) созыв представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями. Считаем необходимым напомнить, однако, что легализация верховной власти народным представительством может быть достигнута лишь тогда, если выборы будут произведены совершенно свободно. Поэтому выборы должны быть произведены при следующей обстановке:

1) депутаты посылаются от всех классов и сословий безразлично и пропорционально числу жителей;

2) никаких ограничений ни для избирателей, ни для депутатов не должно быть;

3) избирательная агитация и самые выборы должны быть произведены совершенно свободно, а потому правительство должно в виде временной меры, впредь до решения народного собрания, допустить:

а) полную свободу печати,

б) полную свободу слова,

в) полную свободу сходок,

г) полную свободу избирательных программ.

Вот единственное средство к возвращению России на путь правильного и мирного развития. Заявляем торжественно пред лицом родной страны и всего мира, что наша партия со своей стороны безусловно подчинится решению народного собрания, избранного при соблюдении вышеизложенных усло-

вий, и не позволит себе впредь никакого насильственного противодействия правительству, санкционированному народным собранием.

Итак, ваше величество, решайте. Перед вами два пути. От вас зависит выбор. Мы же затем можем только просить судьбу, чтобы ваш разум и совесть подсказали вам решение, единственно сообразное с благом России, с вашим собственным достоинством и обязанностями перед родной страной» (Бурцев В.Л. За сто лет. Женева, 1898. С. 173-179).

Мало кто тогда в России так прямо и решительно требовал политических свобод и законодательного парламента, но о необходимости для власти «живого общения с представителями земли» говорили и писали многие, от вольнодумных либеральных публицистов до царских министров. «Ананасный» манифест был им ответом ясным и недвусмысленным. Вопрос о реформе системы государственного управления был снят с повестки дня.

Кризис доверия

Великие реформы Александра II не затронули организацию власти. В результате система государственного управления и принятия решений оказалась не соответствующей новым задачам и условиям жизни. Уже это обстоятельство само по себе создавало немалые трудности, которые были усугублены натиском агрессивного террористического меньшинства. Власть оказалась в глубоком кризисе, выход из которого часть сотрудников Александра II искала в допущении «общества делам внутреннего управления», другая часть, напротив, стремилась к ужесточению властной вертикали и более полному контролю над обществом.

Первое крупное столкновение, приведшее к победе консервативных сил, было спровоцировано покушением на царя студента Дмитрия Каракозова. 4 апреля 1866 г. Каракозов стрелял в государя, прогуливавшегося в Летнем саду, а уже 5 апреля в заседании Комитета министров ярый консерватор обер-прокурор Синода граф Дмитрий Андреевич Толстой повел наступление на либерального министра народного просвещения Александра Васильевича Головнина, утвержда-

дая, что распространение либеральных и революционных идей в студенческой среде — результат политики министерства. В результате Головнин подал в отставку и Толстой занял его место. Вслед за Головкиным оставили свои посты еще несколько крупных либеральных сановников. Остряки шутили, что Каракозов «одной пулей сразил четырех министров».

Реакция поначалу затронула главным образом сферы просвещения и печати. Были немедленно закрыты два самых острых демократических журнала — «Современник» Н.А. Некрасова и «Русское слово» Г.Е. Благосветлова — «вследствие доказанного с давнего времени вредного их направления», 13 мая 1866 г. задача власти в сфере образования была сформулирована в форме царского рескрипта на имя председателя Комитета министров князя П.П. Гагарина. «Провидению угодно было, — говорилось в рескрипте, — раскрыть перед глазами России, каких последствий надлежит ожидать от стремлений и умствований, дерзновенно посягающих на все для нее исконно священное, на религиозные верования, на основы семейной жизни, на право собственности, на покорность закону и на уважение к установленным властям».

Идеологом школьной реформы выступал блестящий консервативный публицист Михаил Никифорович Катков — издатель влиятельного журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости». Катков в своих изданиях резко критиковал головнинский гимназический устав 1864 г., называя «сущим злом» преподавание истории и словесности, приучающих учащихся к безответственному «верхоглядству». Восставая против преподавания предметов, способствующих формированию самостоятельного образа мысли, он требовал замены их предметами дисциплинирующими, позволяющими усваивать абсолютные истины и точные понятия, и не дающими простора для «умствования».

На подготовку реформы ушло несколько лет, и только в мае 1871г. законопроект был представлен в Государственный совет, где встретил сильное противодействие либералов (29 из 48 членов Совета голосовали против). Александр II утвердил, однако, мнение меньшинства, и 15 мая 1871г. толстовский проект получил силу закона. Реформа заключалась в том, что единственным типом среднего учебного заведения, дающего право поступления в университет без экзаменов, становилась классическая гимназия, в курсе которой главенствующее мес-

то занимали древние языки и математика (5—6 часов в неделю, в начальных классах — до 8). Преподавание русского языка, истории, новых языков и особенно словесности сильно сокращалось (до 2 часов в неделю). Из естественных наук в программе уцелела только физика, на которую отводилось по 2 часа в неделю и только в трех старших классах. Реальные гимназии ликвидировались и заменялись реальными училищами с шестилетним курсом обучения (в гимназии — 8-летним), окончание которых не позволяло поступить в университет. Более того, из программы реальных училищ тщательно вытравливались все общеобразовательные предметы, а «дисциплинирующую» функцию исполняли математика и черчение, которым отводилась львиная доля учебного времени. Естествознание было оставлено в мизерных объемах, причем преподаваться оно должно было, как говорилось в объяснительной записке к программе, не научно, а «технологически».

Затем последовала реформа начальной школы. Положение о начальных народных училищах 1863 г. отменило монополию власти на школьное дело, возможность открывать учебные заведения получили общественные организации и частные лица. Постепенно лидирующая роль в этой сфере перешла к органам земского самоуправления, в чьих школах учебный процесс был лучше поставлен, нежели в школах, находящихся в ведомстве Министерства народного просвещения и Святейшего синода.

Земская школа заводилась совершенно заново, поскольку земцы не без оснований находили постановку школьного дела в дореформенной России совершенно неудовлетворительной. Прежде всего земства, не ассигнуя больших средств на открытие собственно школ, принялись за выработку программ и отработку постановки дела. Здесь быстро обнаружилось талантливых теоретиков и практиков, такие как Н.И. Пирогов, К.Д. Ушинский, В.И. Водовозов, В.Я. Стоюнин, барон Н.А. Корф. Преимущественное внимание земства, взявшие на себя роль первопроходцев (черниговское, новгородское, петербургское), уделяли открытию учительских семинарий для подготовки хороших учителей, в число которых допускались и женщины. Заведование своими школами земства поручали, как правило, управам или членам училищных советов от земства, и лишь в исключительных случаях передоверяли его полностью училищным советам, в которых помимо специально выбранных земских представителей

состояли чиновники, назначаемые Министерством народного просвещения, и священники, по назначению епархиального начальства.

С приходом Д.А. Толстого Министерство народного просвещения взяло курс на установление строгой бюрократической опеки над общественной школой и учителями. Учебники и книги, допускаемые в народные училища, подвергались строгой цензуре ученого комитета Министерства; число таких книг было крайне ограничено. В 1869 г. были учреждены должности инспекторов народных училищ, которые скоро сделались, в силу полученной ими в 1871 г. министерской инструкции, не столько педагогами-инструкторами, как предполагалось изначально, сколько наблюдателями за благонадежностью учителей. Министерство старалось изъять вопросы содержания преподавания и постановки учебного дела у земств с тем, чтобы они только финансировали школы. Само же Министерство старалось всячески сузить программу народных школ, не допуская никаких предметов, кроме Закона Божия, чтения, письма, арифметики, пения и обучения ремеслу.

Этот натиск на земскую школу завершился изданием 25 мая 1874 г. нового положения о начальных народных училищах, отводившего главную роль в направлении школьного дела уездным и губернским училищным советам, состоящим под председательством предводителей дворянства. Земство утратило в значительной степени свободу действий в собственных школах, поскольку назначение и учителей и инспекторов оказалось в ведении советов, в которых представители земств лишились решающего голоса.

Под давлением Толстого началось наступление и на органы земского самоуправления. Законом 21 ноября 1866 г. были ограничены бюджетные права земств, которым было запрещено облагать земскими сборами промышленные и торговые предприятия, что существенно сокращало возможности расширения земской работы. Законом 13 июня 1867 г. в земских собраниях была усилена роль председателя (предводителя дворянства), получавшего право по собственному произволу не допускать обсуждения самых различных вопросов, а все земские публикации с этого времени должны были проходить цензуру губернаторов. Последняя мера была особенно болезненно воспринята либеральным обществом, поскольку многие административно-правовые вопросы могли проникнуть на страницы печати только в форме протоколов земских собраний и отчетов земских комиссий.

Единомышленник Толстого граф К.И. Пален, занявший осенью 1867 г. пост министра юстиции, повел наступление на новые судебные уставы. Прежде всего была сокращена сфера применения новых судебных институтов. Законом 1871 г. дознание по политическим делам было изъято у судебных следователей и передано жандармерии. В 1872 г. дела по политическим преступлениям были изъяты из ведения «общих судебных установлений», для их рассмотрения было образовано Особое присутствие Правительствующего Сената, а дела «о сопротивлении властям» в 1878 г. были переданы в ведение военных судов. Пален уже административными мерами, не меняя законодательства, повел атаку и на независимую адвокатуру. Он перестал учреждать, как это предполагалось судебными уставами, советы присяжных поверенных, и в тех судебных округах, где они до того не были созданы, все вопросы допущения в сословие и исключения из него разрешались не корпоративным адвокатским институтом, а коронными судьями.

Правительство Толстого перешло к полной русификации царства Польского, где прежде считалось необходимым предоставлять полякам своего рода культурную автономию, решительно пресекая только попытки политического обособления. Начиная с 1866 г. в средних, а затем и в начальных школах царства Польского вводится преподавание на русском языке. При попечителе учебного округа Апухтине стеснения доходят до того, что запрещается преподавание на польском языке даже Закона Божия, в результате чего его преподавание в большинстве школ вовсе прекращается.

В сепаратизме были обвинены и «украинофилы» — немногочисленные интеллигенты, занимавшиеся на тот момент только этнографическим изучением «Малороссии». В 1875 г. было закрыто юго-западное отделение Русского географического общества, вокруг которого группировались «украинофилы». Тогда же было запрещено печатание книг и театральные представления на украинском языке.

Толстовские акции имели последствия совершенно противоположные тем, на какие он рассчитывал. Не достигнув своей непосредственной цели — «введения единомыслия», — они способствовали взрывному росту оппозиционных настроений в широких кругах легальной общественности, разочаровавшейся в возможностях правительства вести страну по пути прогрессивных преобразований. Власть не доверяла обществу, общество теряло доверие к власти. Возникшее таким образом отчуждение стало особенно опасно в условиях натис-

ка, предпринятого на власть народовольцами-террористами в конце 1870-х гг..

После процесса Веры Засулич поток террористических актов начал нарастать лавинообразно. Но особое беспокойство правительства вызывало то обстоятельство, что террористы не встречали противодействия и даже морального осуждения в обществе. 24 июля 1878 г., когда одесский суд вынес смертный приговор группе народовольцев во главе с Ковальским, которые оказали при аресте вооруженное сопротивление, всеобщее негодование в адрес суда вылилось в антиправительственную демонстрацию, завершившуюся столкновением толпы с войсками. 4 августа 1878 г. в Петербурге Сергей Степняк-Кравчинский среди бела дня заколол на людной улице шефа жандармов Н.В. Мезенцова и скрылся. Публика не предприняла никаких усилий для задержания убийцы.

Правительство начинает сознавать необходимость привлечения общества к борьбе с «крамолой». 20 ноября 1878 г. Александр II обратился к представителям сословий в Москве со словами: «Я надеюсь на ваше содействие, чтобы остановить заблуждающуюся молодежь на том пагубном пути, на который люди неблагонадежные стараются ее завлечь».

Важным симптомом кризиса стала готовность земских либералов, принципиально отвергающих незаконные способы политической борьбы, перейти к нелегальным методам. Законопослушные земцы начинают устраивать конспиративные съезды. А 3 декабря 1878 г. в Киеве на квартире известного «украинофила» В.Л. Беренштама состоялось совещание либеральных земцев во главе с И.И. Петрункевичем с лидерами южного исполнительного комитета «Земли и воли». Петрункевич уговаривал революционеров «временно приостановить всякие террористические акты, чтобы дать нам, земцам, время и возможность поднять в широких общественных кругах и прежде всего в земских собраниях открытый протест против правительственной внутренней политики и предъявить требование коренных реформ в смысле конституции, гарантирующей народу участие в управлении страной, свободу и неприкосновенность прав личности». Предложение Петрункевича было отвергнуто.

Тем не менее земцы решились устроить на свой страх и риск кампанию заявлений в земских собраниях. Тверское губернское земское собрание обратилось к императору с адресом, в котором требовало

для России конституции, ссылаясь на то, что она была дарована освобожденной недавно Болгарии. «Государь император в своих заботах о благе освобожденного от турецкого ига болгарского народа, — писали земцы, — признал необходимым даровать ему истинное самоуправление, неприкосновенность прав личности, независимость суда, свободу печати. Земство Тверской губернии смеет надеяться, что русский народ, с такою полною готовностью, с такою беззаветною любовью к своему царю-освободителю несший все тяжести войны, воспользуется теми же благами, которые одни могут дать ему возможность выйти, по слову государеву, на путь постепенного, мирного и законного развития». Власти поспешили прекратить земскую кампанию репрессиями. Министр внутренних дел циркулярно известил предводителей дворянства, председательствующих в земских собраниях, что они будут привлекаться к ответственности в случае подобных демонстраций. Черниговское губернское земское собрание, в котором Петрункевич выступил с обращением аналогичным тверскому было разогнано жандармами, а сам он был выслан административным порядком в Костромскую губернию.

«Диктатура сердца»

Революционеры тем временем перешли от терактов против второстепенных представителей власти к прямой охоте на царя. 2 апреля 1879 г. один из членов Исполнительного комитета «Земли и воли» А.К. Соловьев совершил неудачное покушение на Александра II. Правительство ответило усилением административных репрессий, для борьбы с крамолой была укреплена «вертикаль власти» и образованы чрезвычайные временные генерал-губернаторства.

Однако становилось все очевиднее, что одними репрессиями преодолеть кризис невозможно. Первым практический опыт привлечения общественности на сторону власти предпринял М.Т. Лорис-Меликов, назначенный таким временным генерал-губернатором в Харьков. Популярный генерал, герой двух русско-турецких войн, Михаил Тариелович привлек к себе общественные симпатии и как администратор. Незадолго до назначения в Харьков он прославился на всю Россию тем, что из 4 миллионов рублей, ассигнованных из казны на борьбу с эпидемией чумы в Астрахани, ухитрился потратить 300 тысяч,

чего оказалось совершенно достаточно для преодоления бедствия, а оставшиеся средства до копейки вернул в казначейство.

В Харькове Лорис-Меликов, усилив полицию, одновременно предпринял несколько шагов, чтобы привлечь на сторону власти «представителей местных интересов», решительно ограничив произвол местной администрации. Одновременно идеи «примирения» с обществом стали развиваться некоторыми высшими чиновниками в Петербурге. Председатель Комитета министров граф П.А. Валуев извлек из нафталина собственный проект созыва совещательного учреждения, наподобие Земского собора, отвергнутый в начале 60-х гг. На сей раз сочинение Валуева, «отличавшееся витиеватой и внушительной неопределенностью», было встречено более внимательно, и его начали всерьез обсуждать в придворных кругах. В том же направлении действовал председатель Государственного совета великий князь Константин Николаевич, напомнивший государю об аналогичном проекте князя Урусова, составленном в 1866 г.

Государь пребывал в нерешительности, а тем временем Степан Халтурин, нанявшийся истопником в Зимний дворец, ежедневно проносил в свою подвальную каморку, расположенную прямо под парадной императорской столовой, очередную порцию динамита. 4 февраля 1880 г. дворец буквально взлетел на воздух. Только случайность спасла императорскую фамилию. Поезд, доставивший в Петербург принца Баттенбергского, которого предполагалось потчевать торжественным обедом, опоздал, и царская семья не успела к моменту взрыва занять свои места в столовой. Происшествие было чрезвычайное не только по множеству жертв (между подвальной каморкой и столовой размещалось караульное помещение, и в результате взрыва погибли несколько десятков караульных). В случае успеха была бы уничтожена вся императорская фамилия и возникал бы вопрос или о выборе новой династии или о перемене формы правления. Взрыв царской резиденции в центре столицы означал, во всяком случае, полное крушение существовавшей системы охраны и крайнюю опасность сложившегося положения.

8 февраля 1880 г. Александр II созвал совещание для обсуждения валуевского проекта, в ходе которого наследник, великий князь Александр Александрович, предложил вместо созыва местных людей учредить чрезвычайную следственную комиссию, которой должна быть предоставлена и значительная распорядительная власть. План этот

был первоначально царем отвергнут, однако на следующий день, проведя новое совещание с находившимися в Петербурге генерал-губернаторами, в числе которых был и Лорис-Медиков, царь пришел к выводу о необходимости ввести в стране диктатуру. 12 февраля было объявлено о создании Верховной распорядительной комиссии с чрезвычайными полномочиями во главе с Лорис-Меликовым.

Уже 15 марта Лорис-Меликов, следуя избранной тактике борьбы с крамолой путем привлечения на сторону власти либеральной общественности, опубликовал воззвание «К жителям столицы», в котором обратился за поддержкой к «благомыслящей части общества» для восстановления порядка в стране. «На поддержку общества, — писал в своем воззвании глава Верховной распорядительной комиссии, — смотрю как на главную силу, могущую содействовать власти к возобновлению правильного течения государственной жизни, от перерыва которого наиболее страдают интересы самого общества». Одновременно была продемонстрирована предельная жесткость в отношении террористов. Ипполит Млодецкий, совершивший 20 февраля покушение на Лорис-Меликова, уже 22 февраля был повешен по приговору военно-окружного суда.

Либеральный публицист Н.К. Михайловский ехидничал, что «благодарная Россия изобразит Лорис-Меликова в статуе с волчьим ртом спереди и лисьим хвостом сзади». Позже, в советской литературе, основываясь на этой характеристике, Лорис-Меликов был изображен жестоким лицемером, что совершенно не соответствовало действительности. Свою задачу он видел в умиротворении страны путем возвращения к реформаторской политике, прерванной толстовской реакцией. Программа ближайших преобразований, предложенная в докладе Лорис-Меликова 11 апреля 1880 г., предусматривала податную реформу, пересмотр паспортной системы, сковывавшей активность прежде всего крестьянства, расширение прав старообрядцев и законодательное регулирование отношений рабочих с нанимателями.

В подтверждение серьезности намерений правительства проводить более либеральный курс по почину Лорис-Меликова обществу были сделаны два важных символических жеста. В конце апреля был отправлен в отставку министр народного просвещения Д.А. Толстой, бывший по совместительству и обер-прокурором Синода. Увольнение его состоялось накануне Пасхи и было принято обществом как «пасхальное яичко», в столицах обыватели вместо традиционного «Хрис-

тос воскресе» приветствовали друг друга в Светлое воскресенье возгласами: «Толстой сменен, воистину сменен». 6 августа — одновременно с закрытием Верховной распорядительной комиссии — было упразднено ненавистное всем Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии, ведавшее политическим сыском. Впредь дела о политическом розыске вводились в общую систему государственного управления, для чего при Министерстве внутренних дел, которое возглавил Лорис-Меликов, создавался Департамент полиции, причем во главе департамента был поставлен бывший прокурор судебной палаты В.К. Плеве, что было воспринято как намерение ввести действия полиции в более строгие правовые рамки.

Эпоху правления Лорис-Меликова окрестили «диктатурой сердца». Решительно обрушиваясь на все силы, формально нарушавшие закон (от репрессий Распорядительной комиссии пострадали не только революционеры, но и либералы, хотя и в меньшей степени), он в то же время последовательно проводил курс на «ненарушимость гражданских прав» мирных обывателей. При Лорис-Меликове были отменены все стеснительные поправки к земскому положению, принятые в эпоху Толстого, и восстановлено в значительной мере действие судебных уставов. Назначенный вместо консерватора Грейга министром финансов либерал А.А. Абаза немедленно отменил тяжкий для низов налог на соль и приступил к разработке других либеральных финансовых мер.

Было облегчено положение печати, наступила новая «оттепель». Начали выходить либеральные журнал «Русская мысль» и еженедельная газета «Земство». Печати позволялось обсуждать в широких пределах политические вопросы за единственным исключением — она ничего не должна была говорить о конституции. 6 сентября 1880 г. Лорис-Меликов собрал у себя — невиданное ранее дело! — редакторов наиболее солидных петербургских изданий для беседы. Как вспоминал позднее председатель Государственной думы С.А. Муромцев, бывший тогда редактором «Юридического вестника», министр преследовал цель «разъяснить им, чтоб они не волновали напрасно общественных умов, настаивая на необходимости привлечения общества к участию в законодательстве и управлении — в виде ли представительных собраний на манер европейских, в виде ли наших бывших земских соборов, — что ничего подобного в виду не имеется и что ему, министру, подобные мечтательные разглагольствования прессы тем бо-

лее неприятны, что напрасно возбуждаемые ими надежды в обществе связываются с его именем, хотя он, министр, никаких полномочий не получал на это и сам лично в виду ничего подобного не имеет».

Толки в печати были вызваны неоднократно упоминавшимся в различных записках и докладах Лорис-Меликова намерением привлечь «сведущих людей», выборных от дворянства, земств и органов городского самоуправления, к обсуждению проектов правительственных распоряжений. В сентябре 1880 г. в провинцию по распоряжению Лорис-Меликова были посланы сенаторские ревизии, дабы «дознать желания, нужды и состояние населения разных губерний». В докладе, представленном императору 28 января 1881 г., Лорис-Меликов предлагал учредить по образцу редакционных комиссий, созданных в период подготовки крестьянской реформы, две комиссии для обработки собранных в ходе этих ревизий сведений и подготовки реформ, намеченных в его прошлогоднем апрельском докладе. В состав двух комиссий (одна условно именовалась «финансовой», другая «административно-хозяйственной») наряду с назначаемыми от правительства чиновниками должны были войти выборные депутаты от земств и городов. Далее предусматривалось участие 10—15 выборных членов комиссий в обсуждении этих законопроектов в Государственном совете. 5 февраля Александр II собрал особое совещание под председательством П.А. Валуева, которое одобрило предлагаемые министром внутренних дел меры, за исключением введения выборных в Государственный совет. 17 февраля император утвердил журнал совещания, сообщив ему тем самым силу закона, и повелел собрать заседание Совета министров для окончательного решения двух вопросов: публиковать ли во всеобщее сведение извещение об открытии комиссий и допустить ли выборных в Государственный совет. Сам созыв комиссий считался делом решенным. Совет министров должен был собраться 4 марта.

Заседание не состоялось. 1 марта Александр II был убит народо-вольцами. На престол взошел Александр III, человек совершенно иного склада и темперамента. Лорис-меликовский проект вновь обсуждался в заседании Совета министров 8 марта, и здесь на него повели решительную атаку консерваторы — граф С.Г. Строганов и К.П. Победоносцев, пугавшие государя тем, что реализация скромного плана «ведет прямо к конституции». Министры-либералы стойко оборонялись, но в результате вопрос о призыве сведущих людей был отложен

на неопределенное время. Полемика носила такой острый характер, что в последующие несколько дней министры-либералы Лорис-Меликов, Милютин, Абаза не разговаривали с Победоносцевым и его сторонниками. Правительство оказалось парализованным.

12 апреля Лорис-Меликов подал царю новую записку. «При такой разнородности центрального правительства, — писал он, — нельзя надеяться установить порядок на местах, и распри между министерствами будут служить лучшей пищей антиправительственной оппозиции». От царя требовалось или принять иную программу выхода из кризиса взамен лорис-меликовской, или устранить от власти консерваторов для образования «одномыслешшего» правительства. Непременным условием успешного умиротворения страны Лорис-Меликов считал привлечение к законодательной работе «выборных представителей общественных учреждений».

21 апреля на новом совещании у царя в Гатчине либералы, по видимости, одержали победу, было принято решение о согласованных действиях министров, что при тогдашней расстановке сил в правительстве практически означало устранение Победоносцева от формирования правительственного курса. Военный министр Милютин писал в дневнике: «...совещание оказалось успешнее, чем мы ожидали. В нем высказалось совершенно непривычное для нас единство в общем взгляде министров: даже Победоносцев — и тот приложил все старания, чтобы сгладить резкий диссонанс, отделивший его от всех прочих коллег». Простодушный министр финансов Абаза был уверен, что Победоносцев «истерт в порошок».

Либералы рано праздновали победу. Вечером 21 апреля царь написал Победоносцеву записку: «Сегодняшнее наше совещание сделало на меня грустное впечатление». «Невыносимо и странно» казалось царю слушать «умных людей, которые могут серьезно говорить о представительном начале в России, точно заученные фразы, вычитанные ими из нашей паршивой журналистики». «Лорис, Милютин и Абаза положительно... хотят, так или иначе, довести нас до представительного правительства, но пока я не убежден, что для счастья России это необходимо, конечно этого не будет, я не допущу». Царь был уверен, что счастье России обеспечивается другими средствами. Победоносцев в ответ посоветовал «обратиться к народу с заявлением твердым, не допускающим никакого двоемыслия», и получил поручение подготовить манифест в этом духе.

26 апреля проект манифеста, составленный Победоносцевым при участии Строганова, был представлен царю, а 27-го государь ответил короткой запиской: «Одобрю вполне и во всем редакцию проекта».

«Ананасный» манифест явился 29 апреля 1881 г. полной неожиданностью для противников Победоносцева. Министры-либералы были глубоко поражены такой подлостью. «Как? — возмущался военный министр Д.А. Милютин. — После бывшего ровно неделю тому назад совещания в Гатчине, после положительно заявленного государем желания, чтобы впредь между министрами было полное согласие и единство, чтобы по всем важным вопросам они входили в предварительное между собою соглашение, и вдруг является совершенным сюрпризом для всех нас такой важный государственный акт как манифест царский!» 30 апреля подал в отставку Лорис-Меликов. Вскоре за ним последовали Д.А. Милютин и А.А. Абаза. Их место в правительстве заняли консерваторы.

Историки нередко иронически относятся к «конституции» Лорис-Меликова. Однако следует иметь в виду, что тогда в России мало кто рассчитывал на большее. Признанный лидер российских либералов, правовед, профессор московского университета Борис Николаевич Чичерин в записке «Задачи нового царствования», датированной 10 марта 1881 г., указывал, что для борьбы с социализмом для власти необходимо «живое общение с представителями земли», причем «нет необходимости, чтобы таким органом был непременно парламент, облеченный политическими правами. Такого рода учреждения пригодны только для общества зрелого, установившегося на своих основах, а нам пока предстоит воспитаться. Политическая свобода может быть отдаленным идеалом русского человека; насущная потребность заключается единственно в установлении живой связи между правительством и обществом для совокупного отпора разлагающим элементам и для внесения порядка в русскую землю. Эта цель может быть достигнута приобщением выборных от дворянства и земства к государственному совету».

Реализация лорис-меликовского проекта была пусть скромным, но шагом на пути создания в России политического строя, соответствующего общему «духу времени», господствующему тогда в Европе, к которой причисляло себя и значительное большинство русского образованного общества. Без большой натяжки можно утверждать, что несмотря на все различия во мнениях, министры-либералы Александ-

ра II были «западниками». В апреле 1881 г. к власти в России пришли «почвенники», ратовавшие за особый путь развития страны, не имеющий ничего общего с европейским. Началась новая эпоха.

Эпоха «патриотического здравомыслия»

Царствование Александра III (1881—1894) обычно трактуется как период контрреформ или даже «разнузданной» реакции. Традиционные определения, подчеркивая лишь контраст между политикой Александра II и Александра III, не ухватывают своеобразия этого времени, на свой лад богатого административным творчеством. Реформы 1860-х гг. действительно объявлялись результатом «чужебесия» — некритического заимствования иноземных обычаев, однако начало этого губительного процесса виделось еще в эпохе Петра Великого. Соответственно и задача ставилась чрезвычайно амбициозная. Речь шла не просто о пересмотре новаций предыдущего царствования, которые, как писал Катков, «не все должным образом и с достаточной зрелостью продуманы, а во многом сфабрикованы по чужим лекалам, и потому... не имеют почвы и лишены смысла в России». Программу-максимум нового царствования через несколько дней после кончины Александра II сформулировал лидер славянофильского крыла консерваторов И.С. Аксаков: «В Москву, в Москву призывает теперь своего царя вся Россия... Пора домой! Пора покончить с петербургским периодом русской истории...»

Новый царь, любивший допетровскую старину, охотно прислушивался к голосам тех, кого считал «истинно-русскими людьми». Однако между ними не было согласия относительно того, что практически означает такое возвращение «домой», а доведенные до логического завершения программы их пугали радикализмом. Последовательная реализация славянофильской аксаковской программы предусматривала создание органа «единения» царя с народом в обход бюрократии, которая представлялась помехой, излишним посредствующим звеном, подлежащим уничтожению, «средостением» между верховной властью и народом. Воплощение в жизнь идей Константина Леонтьева о «византизме» как основе российской самобытности должно было завершиться взятием Царьграда-Константинополя. А для сохранения государственной мощи России, без которой неосуществимо ее религи-

озное призвание, Леонтьев считал необходимым «создать кое-что небывалое в подробностях (изгнать решительно евреев, сделать собственность менее свободной, а более сословной и государственной, и т. п., сосредоточить церковную власть, причем, конечно, она станет деспотичнее)». Реализация программы переквалифицировавшегося из террориста в искреннего монархиста Льва Тихомирова предусматривала в качестве идеала построение «охранительного социализма». И даже катковская программа де бюрократизации с опорой на дворянство иным министрам казалась опасной, а издания Каткова не раз получали строгие цензурные взыскания.

Александр III прислушивался к советам М.Н. Каткова (которого в 80-е гг. считали столь влиятельным, что английский посол почти не в шутку запрашивал свое начальство: при ком ему полезнее аккредитоваться — при Министерстве иностранных дел или при Каткове) издателя журнала «Гражданин» друга своей юности князя В.П. Мещерского. Однако практическую политическую линию формировал пользовавшийся безусловным доверием царя обер-прокурор Синода Константин Петрович Победоносцев, человек осторожный до мнительности. Значение его довольно точно определил в частном письме к единомышленнику, государственному контролеру Т.И. Филиппову Константин Леонтьев: «Он как мороз; препятствует дальнейшему гниению, но расти при нем ничто не будет. Он не только не творец, но даже не реакционер, не восстановитель, не реставратор, он только консерватор в самом тесном смысле слова: мороз... сторож, безвоздушная гробница, старая «невинная» девушка и больше ничего!!». Это мнение разделял, по существу, и Александр III, говоривший С.Ю. Витте о Победоносцеве, что тот «...отличный критик, но сам никогда ничего создать не может».

В результате ни одна из традиционалистских доктрин не была взята на вооружение властью в чистом виде и не проводилась последовательно. Усилиями Победоносцева программа нового царствования свелась к «патриотическому здравомыслию», проводимые меры заимствовались из разных почвеннических программ в той степени, в какой их проведение не требовало резких поворотов и не грозило непредсказуемыми последствиями. По необходимости проводя либеральную политику в экономической сфере и лелея в самом общем виде консервативно-почвеннический идеал будущего, власть в практической политике в значительно большей степени руководствовалась ука-

заниями «здравого смысла», чем определенной теоретической моделью.

Отчасти это было связано с тем, что консервативно-традиционалистская идеология опиралась на систему иррациональных обоснований, ее постулаты были скорее предметом веры. В основе ее лежало представление о таких трудноуловимых субстанциях, как «русская почва» или «народный дух», не поддающихся научному исследованию и описанию. Идеологи власти оказались неспособны вооружить рациональными аргументами «патриотическую» программу, чтобы она могла противостоять на равных либеральным и радикальным проектам преобразования России.

В самом общем виде консервативная идеология сводилась к представлению о России, как особом мире, особой цивилизации. Значительное влияние на идеологов этого лагеря оказала теория «культурно-исторических кругов» Н.Я. Данилевского, согласно которой «идея», лежащая в основе того или иного «исторического типа», остается неизменной, и соответственно политические формы, выработанные одним народом, годятся только для этого народа.

В отличие от либералов и социалистов, разделявших оптимистический взгляд на возможность прогресса, консерваторы были убеждены в неискоренимом нравственном несовершенстве человека. Исправить человека невозможно, возможно только сдерживать негативные проявления человеческой природы, чему служит отеческая власть государства. Монарх подобен «отцу», а его подданные — «детям». Россия представляет собой «семью», а семья строится на основе естественной иерархии, аналогом которой применительно к обществу служит сословная структура.

Практическая политика сводилась к двум важнейшим направлениям: восстановлению «истинно русских» начал администрации и борьбе за чистоту «русского духа».

В исторической литературе нередко можно встретить утверждения, что этот курс во внутренней политике был взят не сразу после издания «ананасного» манифеста. Действительно, занявший место министра внутренних дел Н.П. Игнатьев, по видимости, продолжал некоторые начинания Лорис-Меликова. Он пригласил «сведущих людей» (только не выборных, а назначенных самим правительством) для обсуждения вопроса о снижении выкупных платежей, а в ноябре 1881 г. учредил особую комиссию под председательством члена Госу-

дарственного совета М.С. Каханова для подготовки проекта реорганизации всей губернской и уездной администрации на основаниях всеобщности. Однако в исполнении Игнатъева лорис-меликовские инициативы удивительным образом выхолащивались, приобретали откровенно бутафорский характер. Так 19 марта 1881 г. в Петербурге градоначальником Н.М. Барановым был создан Временный совет при градоначальстве, члены которого избирались жителями, имевшими право участия в городских выборах. Некоторые либералы попростодушнее, как например издатель петербургской газеты «Голое», даже приветствовали этот «бараний парламент», единственная реальная функция которого состояла в штемпелевании полицейских распоряжений. Система выборов в него была так устроена, что первым по числу набранных голосов попал в его состав бывший петербургский градоначальник Ф.Ф. Трепов (прославившийся, помимо экзекуции над Боголеповым, безграмотностью, вошедшей в поговорку; он ухитрялся делать четыре ошибки в слове из трех букв — писал «исчо» вместо «еще»). Такой же бутафорский характер должен был иметь и Земский собор, который Игнатъев предложил собрать во время коронации Александра III. Скромные комиссии Лориса должны были реально участвовать в законотворчестве. Пышный собор Игнатъева, на который предполагалось созвать четыре тысячи депутатов, должен был продемонстрировать единение царя с народом и заставить «замолкнуть все конституционные вожделения».

Игнатъев продолжал либеральные мероприятия, замысленные в эпоху «диктатуры сердца», в области финансово-экономической, но в политической сфере его курс был прямо противоположен лорис-меликовскому. По крайней мере два важнейших акта, с которыми связана политика контрреформ — положение «О мерах к охранению государственного порядка...» и «Временные правила о евреях», — появились именно в игнатъевское министерство. Оба эти игнатъевские акта грубо ограничивали гражданские права российских подданных, тогда как Лорис-Меликов стремился оборонять и даже расширять эти права в самые тяжелые моменты государственного кризиса. Поэтому можно смело утверждать, что новый курс был взят непосредственно после издания «ананасного» манифеста.

«Истинно русским началам администрации» соответствовала система отеческого попечения о нуждах подданных, причем начальство безусловно лучше подданных ведало их нужды, и в своих распоряди-

тельных действиях не должно было стесняться выдуманной «прогнившей» Европой правовыми гарантиями. Во избежание таких помех 14 августа 1881 г. было издано положение «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия и приведении определенных местностей империи в состояние усиленной охраны». Согласно этому акту любая местность могла быть объявлена на положении усиленной или чрезвычайной охраны. Положение усиленной охраны вводилось генерал-губернатором с утверждения министра внутренних дел сроком на год; чрезвычайная охрана устанавливалась «высочайше утвержденным положением комитета министров, по представлению министра внутренних дел» на шесть месяцев. В пределах местностей, объявленных на положении усиленной охраны, генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам предоставлялось право издавать обязательные постановления и в административном порядке подвергать нарушителей таких постановлений взысканиям (вплоть до трехмесячного ареста и штрафа в 500 рублей).

Кроме того власти получали право воспрещать общественные и даже частные собрания, закрывать торговые и промышленные заведения и «воспрещать отдельным лицам пребывание в местностях, объявленных в положении усиленной охраны» (право административной высылки). Генерал-губернаторам предоставлялось право передавать отдельные уголовные дела военному суду для суждения по законам военного времени или требовать рассмотрения их при закрытых дверях. Значительно усиливался административный надзор за деятельностью земских, городских и судебных учреждений, служащие которых, признанные неблагонадежными, немедленно удалялись от должностей (за исключением выборных) по требованию губернатора или градоначальника. Местным начальникам полиции и жандармских управлений предоставлялось право задерживать внушающих подозрение лиц (на срок не более двух недель) и производить обыски во всякое время и во всех без исключения помещениях. При чрезвычайной охране генерал-губернаторы получали дополнительно права передавать военному суду не только отдельные дела, но и целые категории дел, одним общим распоряжением; налагать секвестр на недвижимые и арест на движимые имущества; подвергать в административном порядке аресту, заключению в тюрьме или крепости до трех месяцев и штрафам до 3000 рублей за любые проступки, «об изъятии которых из ведения судов будет заранее объявлено»; приостанавливать периодические издания и зак-

рывать учебные заведения (на срок не более месяца). «Временное» положение об охране оказалось одним из самых долговременных актов. С 1881 г. и до крушения империи значительные ее части с завидной регулярностью, а обе столицы и примыкающие к ним губернии постоянно, находились на положении усиленной или чрезвычайной охраны.

Сам Игнатъев, прислушивавшийся к советам И.С. Аксакова и состоявший в нем в переписке (откуда он позаимствовал идею коронационного собора), через год стал казаться недостаточно твердым проводником нового курса и был отправлен в отставку. 30 мая 1882 г. его место занял Д.А. Толстой. Катков приветствовал это назначение в передовице «Московских ведомостей», завершавшейся окриком обществу: «Встаньте, господа, правительство идет, правительство возвращается».

Прежде всего возвратившееся правительство навело «порядок» в печати. Лорис-меликовская «оттепель» закончилась с изданием 27 августа 1882 г. новых «Временных правил» о печати. Для газет, получавших ранее предостережения и приостановленных, вводился новый вид предварительной цензуры — каждый номер должен был представляться в цензуру до 11 вечера, что лишало газеты возможности печатать последние новости и делало их издание бессмысленным. Вторым важным новшеством было создание особого судилища в составе министра внутренних дел, министра просвещения, министра юстиции и обер-прокурора Синода, которое могло в случае «обнаружения вредного направления» не только навсегда прекращать издание печатного органа, но и воспрещать его редактору впредь издавать что бы то ни было. Благодаря применению новых правил правительству удалось в 1883—1884 гг. закрыть все радикальные и наиболее острые из либеральных органов печати. Прекратили существование журналы «Отечественные записки» М.Е. Салтыкова-Щедрина и «Дело» Н.В. Шелгунова, закрылись газеты «Голос», «Земство», «Страна» и «Московский телеграф».

Затем новый курс был реализован в области народного просвещения. Во главе министерства на место либерала барона А.П. Николаи был поставлен глуповатый и смотрящий в рот Толстому и Каткову И.Д. Делянов. В 1884 г. был утвержден новый университетский устав, подготовленный при участии Каткова и практически ликвидировавший автономию университетов даже в тех скромных границах, ко-

торые очерчивались уставом 1863 г. Отменялась выборность ректоров, деканов и профессоров, при назначении которых министерство отныне руководствовалось не «учеными заслугами претендентов», а степенью их благонадежности. Студентам какие бы то ни было корпоративные организации запрещены были вовсе. В средней школе упорно проводилась «классическая» система. Однако надежды на то, что изучение древних языков будет формировать консервативный склад мыслей, не оправдались. Гимназист Володя Ульянов как раз в это время радовал родителей успеваемостью: «Из латыни — 5, из греческого — 5», но пошел, как известно, другим путем.

Начальные школы предполагалось все передать в ведомство Синода, и только благодаря решительному противодействию земств, отказывавшихся передавать архиереям свои школы, которые земство продолжало бы финансировать, большинство школ остались в земском управлении. В ведомство «духовных дел» были переданы лишь элементарные «школы грамоты», устраивавшиеся самими крестьянами, учителя которых не должны были иметь специальной подготовки. Правительство усиленно поощряло создание на их основе церковно-приходских школ, в задачу которых входило, по мысли Победоносцева, «спасти и поднять народ, ...дать ему школу, которая просвещала бы и воспитывала бы его в истинном духе, в простоте мысли».

Не вписывался в традиционалистскую картину мира и независимый суд. Уже в 1884 г. князь В.П. Мещерский в своем журнале «Гражданин» потребовал «немедленно прекратить на время суд присяжных», отменить статью судебных уставов о несменяемости членов судебного ведомства», «на время отменить вовсе гласность судопроизводства» и «приступить одновременно к пересмотру судебных уставов». В 1885 г. Победоносцев в докладной записке мотивировал необходимость пересмотра судебных уставов тем, что «в Российском государстве не может быть отдельных властей, независимых от центральной власти». Однако осторожный Александр III не любил «разрубать узлы». Только в 1894 г. была создана особая комиссия под председательством министра юстиции Н.В. Муравьева для подготовки проекта последовательной и всеобъемлющей судебной реформы, но рост общественного недовольства и разногласия в правительственных кругах сорвали ее проведение.

Укрепив властную вертикаль, правительство приступило к восстановлению нарушенного реформами 60-х гг. сословного строя и по-

колебленного положения дворянства. В мае 1883 г. на коронации в Москве, обращаясь к волостным старшинам, Александр III предостерег крестьян, чтобы они не слушали никаких крамольных толков, и повелел: «...следуйте совету и руководству ваших предводителей дворянства». Восстановление положения дворянства, как материального, так и властного, сделалось главной заботой правительства. В 1885 г. был открыт Дворянский банк, задачей которого было поддержание льготными ссудами дворянского землевладения. В манифесте, изданном по этому случаю, выражалось недвусмысленно пожелание, чтобы «дворяне российские сохраняли первенствующее место в предводительстве ратном, в делах местного управления и суда, в распространении примером своим правил веры и верности и здравых начал народного образования».

Манифест вызвал поток благодарственных адресов, среди которых выделялся детальной проработкой дворянских требований адрес дворянства Симбирской губернии, составленный алатырским уездным предводителем А.Д. Пазухиным, который уже и прежде ярко проявил себя во главе консервативной части Кахановской комиссии. В 1885 г. Пазухин подробно обосновал свои взгляды в большой статье «Современное состояние России и сословный вопрос», напечатанной в «Русском вестнике» Каткова, где причиной всех российских бедствий объявлялся «бессословный строй», созданный реформами Александра II, прежде всего земской и судебной. «Социальная нивелировка», начавшаяся, по мнению Пазухина, с земской реформы, лишила дворянство «всех служилых прав как по местному, так и по государственному управлению», а эта «утрата служебных привилегий имела последствием ослабление связи дворянства с правительством, распадение дворянства как корпорации и постепенное падение его авторитета среди населения». Главная опасность такого положения заключалась в том, что утрачивался уникальный, свойственный только России образ жизни и ментальность. «Русскость» в значительной степени коренится в сословности и, «утрачивая все сословно-бытовые особенности, русский человек утрачивает и все национальные черты». Поскольку «великое зло» реформ заключалось в разрушении сословной организации, задача состояла в «восстановлении нарушенного».

Идеи Пазухина произвели чрезвычайно благоприятное впечатление на Д.А. Толстого, который призвал сочинителя на должность правителя собственной канцелярии, поручив ему разработку законопро-

ектов, позволяющих «восстановить нарушенное». Результатом этой работы были закон о земских начальниках и новое положение о земских учреждениях.

«Положением о земских участковых начальниках», изданным 12 июля 1889 г., в 40 губерниях России создавалось 2200 участков во главе с земскими начальниками, которые назначались министром внутренних дел по согласованию с губернатором из числа потомственных дворян-землевладельцев. Полномочия земского начальника, соединявшего в своем лице административную и судебную власть (к ним, в частности, переходили полномочия упраздняемых мировых судей), были очень широки, он мог отменять любое постановление сельских и волостных сходов, отстранять от должности выборных крестьянских старост, подвергать аресту и штрафу лиц податных сословий. Члены волостных судов, ранее избиравшиеся крестьянами, теперь назначались земскими начальниками. В именном указе Сенату введение института земских начальников мотивировалось заботой о крестьянстве. «В постоянном попечении о благе Нашего Отечества, — говорилось в нем, — Мы обратили внимание на затруднения, представляющиеся правильному развитию благосостояния в среде сельских жителей Империи. Одна из главных причин этого неблагоприятного явления заключается в отсутствии близкой к народу твердой правительственной власти, которая соединяла бы в себе попечительство над сельскими обывателями с заботами по завершению крестьянского дела и с обязанностями по охранению благочиния, общественного порядка, безопасности и права частных лиц в сельских местностях». По существу введение института земских начальников означало восстановление в деревне власти аналогичной прежней помещицкой. Неудивительно, что среди крестьян, как докладывал московский генерал-губернатор В.А. Долгоруков министру внутренних дел, «бродит подозрение, что новые органы правительственной власти есть не что иное, как первый шаг к их вторичному закреплению».

Проект преобразования земских учреждений, разработанный Пазухиным, предусматривал полную ликвидацию сословности и выборности, но Государственный совет не решился на такую радикальную меру, и проекты были сильно смягчены. Принципы сословности и выборности не были отброшены вовсе, но пределы их применения были значительно сужены. В соответствии с новым «Положением о губернских и уездных земских учреждениях», утвержденным 12 июня

1890 г., землевладельческая курия, по которой ранее могли баллотироваться представители всех сословий, стала исключительно дворянской, причем доля гласных, избираемых по этой курии, была увеличена. Крестьяне утратили право непосредственного выбора своих представителей, теперь они выбирали только кандидатов в гласные, а гласные назначались губернатором из числа кандидатов по представлению уездного съезда земских начальников.

Остальные сословия должны были «знать свой шесток» и не пытаться с этого шестка соскочить. Идеалу «народной монархии» соответствовало общество с низкой, а в пределе — нулевой, как сказали бы современные социологи, «социальной мобильностью». Достижению этой цели должны были служить многочисленные законодательные акты, укрепляющие крестьянскую общину и затрудняющие крестьянам выход из нее, а также построение сословной школы. Именно эту цель преследовал знаменитый циркуляр министра просвещения И.Д. Делянова, прозванный острословами циркуляром «о кухаркиных детях». В 1887 г. министр, «озабоченный улучшением состава учеников», счел за благо закрыть доступ в гимназии «детям кучеров, лакеев, поваров, мелких лавочников и т. п.».

«Россия для русских»

Второй важнейшей составляющей политики Александра III была решительная русификация окраин империи, предполагающая прежде всего повсеместное введение в официальное употребление русского языка и отмену некоторых особенностей местной администрации и законодательства.

Политика русификации не была в империи новостью. Однако прежде она применялась лишь в отношении народов, уличенных или подозреваемых в сепаратистских устремлениях. В завещании, составленном в сентябре 1876 г., Александр II наставлял наследника не забывать, что могущество «нашего отечества... основано на единстве государства, а потому все, что может клониться к потрясению его единства, к отдельному развитию различных народностей, для него пагубно и не должно быть допускаемо».

При Александре III русификация перестала быть наказанием, налагаемым на непокорный край; она приобрела характер систематичес-

кой политики по отношению ко всем подвластным российскому государю национальностям, даже наиболее ему верным. Само значение «русификации» резко изменилось. «Русский дух» и «русская почва» требовали энергичной защиты от коррозии, которой угрожали им разрушительные «идеи», носителями которых выступают иные нации с иным «культурным типом». Государство-семья не может вмещать в себя подданных чужеродных культурных типов, поскольку эти типы сопряжены с иным общественно-политическим строем. Как писал в 1882 году Катков в «Московских ведомостях», «Россия может иметь только одну государственную нацию». Но «великие реформы» и экономический рывок во второй половине XIX века способствовали социально экономическому и культурному развитию окраин — т. е. иных наций.

Критерии «русскости» в царствование Александра III постепенно смещались в направлении чисто политическом. Если еще в начале XIX века «русский» означало всего лишь «относящийся к России», а затем, в николаевскую эпоху «официальной народности», это слово стало означать православного верноподданного, то при Александре III слово «русский» теряет связь с культурными и вероисповедными качествами и становится исключительно политической характеристикой настолько, что никому уже не казалось странным, что «истинно русским» называют главного московского черносотенного публициста Гриппмута, ставшего после смерти Каткова редактором «Московских ведомостей», или ялтинского градоначальника Думбадзе, отличавшегося особой полицейской свирепостью. А в 1905 г. уже никому не казались дикими планы создания Мусульманского союза русского народа из казанских татар.

Представитель русского народа в этом политическом смысле не может быть носителем либеральных или революционных идей и намерений. Лица несоответственных убеждений, даже титулованные дворяне, как, например, лидер либералов князь Д.И. Шаховской, на титул «истинно русского» человека претендовать не могли. В этом смысле слово «русский» частенько употребляется и в современной полемике, например, когда историк-монархист Александр Боханов говорит: «Александр III был русским человеком, русским по строю своих мнений и чувств, считал, что сильная государственная власть есть благо для страны».

Именно в этом смысле «Гражданин» Мещерского призывал «русскую партию» сплотиться «перед угрозой для русской народности со

стороны партии польской, финской, жидовской, армянской, мало-российской».

Александр III решительно стал во главе «русской партии». При вступлении на престол в 1881 г. император впервые, вопреки обычаю, не подтвердил особые привилегии, которыми пользовались немцы в Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерниях, составлявших «Прибалтийский край». Для подготовки мероприятий, должностовавших унифицировать управление в крае, была проведена в 1882 г. ревизия под руководством сенатора Н.А. Манасеина, а вскоре по ее рекомендациям проведен и ряд реформ. Законом 9 июля 1888 г. прежняя выборная дворянская полиция была заменена правительственной, устроенной на тех же основаниях, что и в центральных губерниях. В 1889 г. было распространено на Прибалтику, хотя и не вполне, действие судебных уставов 1864 г. С 1884 г. немецкие училища преобразуются в городские училища с русским языком преподавания. Законами 1889—1890 гг. в крае было введено обязательное обучение на русском языке по всем предметам, кроме Закона Божия евангелическо-лютеранского исповедания, во всех мужских и женских частных учебных заведениях. В 1893 г. немецкий Дерпт получил русское название Юрьев (ныне Тарту), и в юрьевском ветеринарном институте введено преподавание на русском языке, позднее на русский язык перешел и Юрьевский университет (кроме богословского факультета).

В 1885 г. приходские школы армянской григорианской церкви были преобразованы в русские, и хотя через год эта мера была отменена, она глубоко оскорбила армян и вызвала появление в их среде оппозиционных настроений, которых ранее там не было. В 1890 г. русский язык преподавания был введен в школах и духовных семинариях Грузии. В центре католической Варшавы был отстроен колоссальный православный храм св. Александра Невского, снесенный «благодарными» поляками в 1920 г.

Особенно сильным стеснениям были подвергнуты евреи, влияние которых казалось идеологам александровской эпохи особенно разрушительным для истинно русского сословного строя жизни. Впервые основания этого нового курса, который означал переход от политики ассимиляции евреев к их дискриминации, были намечены в записке царю, составленной Игнатьевым 12 марта 1881 г. «В Петербурге, — утверждал Игнатьев, — существует могущественная польско-жидовс-

кая группа, в руках которой непосредственно находятся банки, биржа, адвокатура, большая часть печати и другие общественные дела. Многими законными и незаконными путями и средствами они имеют громадное влияние на чиновничество и вообще на весь ход дел... Проповедуя слепое подражание Европе, люди этой группы, ловко сохраняя свое нейтральное положение, очень охотно пользуются крайними проявлениями крамолы и казнокрадства, чтобы рекомендовать свой рецепт лечения: самые широкие права полякам и евреям, представительные учреждения на западный образец. Всякий честный голос русской земли усердно заглушается польско-жидовскими криками, твердящими о том, что нужно слушать только "интеллигентный" класс и что русские требования следует отвергнуть как отсталые и непросвещенные». Собственно и Земский собор был нужен Игнатьеву, чтобы заглушить эти «польско-жидовские крики».

Резолюций царя на экземпляре, сохранившемся в архиве Игнатьева, нет, но государь, вообще не жаловавший «инородцев», программу несомненно одобрял. Во всяком случае, Валуев в дневнике 21 апреля 1881 г. записал: «Государь сказал о графе Игнатьеве, что хорошо, что он у дел, потому что "настоящий коренной русский"».

Проведение последовательной государственной политики дискриминации евреев требовало, однако, публичного идеологического обоснования. Свой вариант такого обоснования вскоре после царевубийства 1 марта 1881 г. предложил известный русский историк и консервативный публицист Дмитрий Иловайский. В статье, опубликованной в «Петербургских ведомостях» вскоре после царевубийства, он утверждал, что «нигилисты и социалисты» — только «грубое, нередко бессознательное орудие», что их направляют на преступления «не столько враги собственности и общественного порядка, сколько внутренние и внешние враги Русского государства, русской национальности». Среди врагов России Иловайский на первое место ставил поляков, а на второе — евреев, на том основании, что «в последних процессах, убийствах, покушениях и университетских беспорядках они выступают едва ли не самым деятельным элементом». Но этот простодушный аргумент Иловайского легко опровергался либералами указанием на то, что именно «стеснения» против поляков и евреев толкают их во множестве в ряды революционеров.

И тогда на помощь власти пришли гораздо более искушенные «истинно русские». Почтенный славянофил Иван Аксаков создал из ан-

тисемитизма почти респектабельную политическую доктрину. В сентябре 1881 г., после чудовищной волны еврейских погромов, он опубликовал в издававшейся им газете «Русь» «План преобразования быта евреев в России», составленный на основании трудов Якова Брафмана. Как писал Аксаков в предисловии, «покойный Брафман — сам еврей, перешедший потом в протестантство — оказал истинную услугу человечеству раскрытием организации и тайн еврейского кагала, в своем известном издании "Книга кагала"». «Услуга человечеству» была довольно сомнительного свойства. Брафман извлек из архива книгу постановлений виленского кагала — органа самоуправления еврейской общины в Речи Посполитой, а затем в черте оседлости занимавшегося сбором налогов с еврейского населения и налагавшего наказания на нарушителей религиозных обычаев. Постановления относились к XVIII в., но Брафмана это не смутило. Он принялся утверждать, что кагалы продолжают тайно существовать и после того как они были упразднены законом 1844 г. Именно они, сплачивая еврейские общины в единую монолитную корпорацию, обеспечивают им успех в коммерции и возможность эксплуатации нееврейского населения.

По мысли Аксакова, российские кагалы, составляющие «государство в государстве», направляются из зарубежного центра, цель которого — установить власть еврейского народа, продолжающего считать себя единственным богоизбранным народом и не признавшего Христа мессией, над всем миром, то есть установить, как писал Аксаков, «миродержавство антихристианской идеи во образе миродержавства еврейского». Установление еврейского равноправия, за которое ратуют либералы, означало бы только «порабощение всей остальной России еврейскому "правовому порядку", юрисдикции и власти кагалов...»

Аксаков призвал власти к пересмотру существующих законов, «узаконяющих и ограждающих» «бытие этой чудовищной аномалии, какую представляют отношения еврейства к христианскому населению, — той исполинской, могущественной стачки, разоряющей десятки миллионов Русского народа, — того государства в государстве, — той тайной, космополитически-племенной иудейской организации, которая опирается, с одной стороны на свой политический национальный центр, на "Всемирный Еврейский конгресс" в Париже, с другой — на русское правительство, на Свод законов самой Российской империи?!..»

Игнатъев, внимательно прислушивавшийся к советам Аксакова и даже принимавший на службу в министерство «экспертов» по его рекомендациям, решительно приступил к делу, и уже 3 мая 1882 г. были опубликованы «Временные правила о евреях», которые существенно ограничивали гражданские права евреев в губерниях «черты еврейской оседлости». Евреям запрещалось селиться вне городов и местечек, а также прекращалось совершение всех купчих крепостей, закладных и арендных договоров на имя евреев, доверенностей на недвижимое имущество.

Далее правовые ограничения, тесно сковавшие экономическую и культурную жизнь российских евреев, посыпались как сор из дырявого мешка, причем эти ограничения весьма часто проводились не в форме нового закона, а в форме сенатских разъяснений действующего законодательства.

Число городов, где дозволялось жить евреям, постоянно сокращалось. Законами 28 марта 1891 г. и 15 октября 1892 г. было воспрещено проживание в Москве и Московской губернии евреев-ремесленников и отставных николаевских солдат. Эта льгота была отменена по требованию московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича и привела к высылке из одной только Москвы 17 тысяч семей.

Ограничивалась свобода хозяйственной деятельности евреев. В 1893 г. в уставы бирж и кредитных обществ были внесены дополнения, в соответствии с которыми «число членов биржевого комитета из нехристиан не должно превышать одной трети общего числа членов, а председатель комитета должен быть из христиан», а в 1892 г. евреям было запрещено занимать должности директоров городских общественных банков. С 1893 г. евреи могли приобретать и эксплуатировать нефтеносные земли, только получив каждый раз отдельное разрешение Министерства торговли и промышленности.

Ограничивалась для евреев и возможность получения образования. В 1887 г. Министерством народного просвещения была установлена процентная норма для евреев в учебных заведениях. В черте оседлости число учащихся-евреев не должно было превышать десяти процентов, в остальных местностях империи — пяти, а в столицах — трех. В 1889 г. был закрыт доступ евреев в число присяжных поверенных.

Национальная политика правительства вызвала решительный протест в русском образованном обществе. Философ Владимир Соловьев, выступавший в качестве публициста в журнале «Вестник Европы», убедительно показал, что насилие в религиозном и национальном вопросах противно Евангелию, а русификацию квалифицировал как «тамерлановщину». Однако русские либералы, выступая против национально-религиозных гонений, могли в то время предложить в качестве альтернативы политике ассимиляции и дискриминации только идею «свободного соревнования» национальных культур. Реализация этой привлекательной, на первый взгляд, идеи неизбежно обрекала на исчезновение малочисленные народы, не защищенные особыми охранными привилегиями и институтами собственной государственности.

Политика Александра III не достигла намеченной цели. Разоряющееся и деградирующее дворянство не могло стать надежной опорой власти. Дворянство образованное и преуспевающее оказывалось зараженным западным духом и требовало свобод. Установление дворянской опеки над крестьянами и стеснение крестьянской свободы привели к катастрофическому голоду 1891—1892 гг. Русификация молодых народов, не имевших собственной интеллигенции, вроде «сибирских инородцев», имела некоторый успех, но зато из числа народов с богатой собственной культурой и интеллигенцией выходили все более радикальные противники режима. Политика национальных и религиозных гонений способствовала разложению Российской империи как наднациональной общности. Все свое царствование Александр III «сеял ветер», «пожинать бурю» досталось его сыну.

Подробнее на эту тему:

Евреи в России: История и культура. СПб., 1995.

Сскиринский С.С., Филиппова Т.А. Родословная российской свободы. М., 1993.

Заиончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х гг. М., 1964.

Полунов А.Ю. Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. М., 1996.

Репников А.В. Консервативная концепция российской государственности. М., 1999.

Твардовская В.А. Царствование Александра III // Российский консерватизм XIX столетия. М., 2000.

Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг XIX в. Л., 1978.

Победоносцев К.П. и его корреспонденты. Т. 1. Пг.-М., 1923.